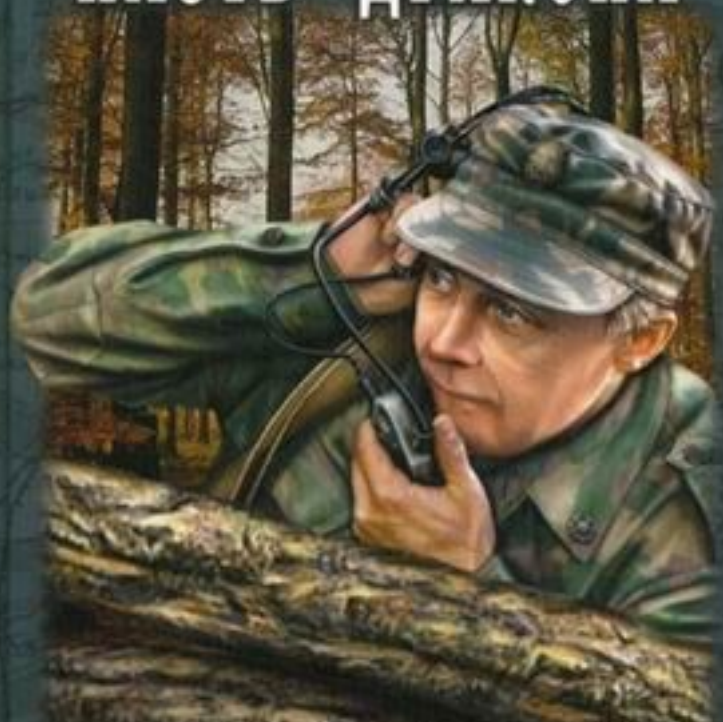

**Военные
Приключения**

ПАСТЬ ДРАКОНА

Г. АНАНЬЕВ Ю. БОЙКО

Юрий Бойко
Второе дыхание

«ВЕЧЕ»

Бойко Ю. Д.

Второе дыхание / Ю. Д. Бойко — «ВЕЧЕ»,

Наркотики. Чтобы это ядовитое зелье попало на территорию нашей страны, нужно, чтобы оно пересекло ее границы. На разные хитроумные уловки идут для этого контрабандисты, но во все времена у них на пути вставали пограничники. Такие, как капитан Колосов, старший лейтенант Зотов и их боевые товарищи.

© Бойко Ю. Д.

© ВЕЧЕ

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	12
6	13
7	15
8	16
9	17
10	18
11	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Бойко

Второе дыхание

1

«Раз, два, три – вдох. Раз, два, три – выдох. Не отставать. Только бы не сбить дыхания». Андрей Кочетов из последних усилий старался сохранить темп бега, а сам чувствовал, как постепенно наливаются уже знакомой ему тяжестью ноги и грудь раздирает от горячего сердцебиения. Он перешел на ускоренный шаг, но встречный порыв ветра окончательно выбил его из размеренного ритма. По натяжению поводка Андрей ощутил, что Баргут перестал тянуть его с прежней силой за собой. Он на секунду расслабился и, не устояв на ногах, упал на землю. «Слизняк, – выругал он себя, – опять выдохся». Андрей представил, как старший лейтенант Зотов спросит его по возвращении на заставу: «Ну что, Кочетов, уложились в отведенное время?» – и ему стало еще обиднее за свою немощь. «Не осилить какой-то десяток километров!» Он поднялся с земли.

– Баргут, вперед!

Шел третий месяц с той поры, как Андрей Кочетов прибыл после окончания учебного подразделения на заставу. Носила она название – «Солнечная». Как потом узнал Андрей, название это вполне отвечало спокойной обстановке, складывавшейся на данном участке границы – нарушители появлялись здесь редко. Последний – лет десять назад. Поблизости располагался санаторий, круглый год – отдыхающие. «Курорт», – любили называть свои края местные жители. «Курортным» среди пограничников отряда считалось и место службы на заставе, расположенной у окраины рыбацкого поселка.

Приехал Кочетов вместе со своей овчаркой. «Пес умный и крепкий, – дали Баргуту характеристику отрядные специалисты. – Границу охранять должен надежно».

Место службы Андрея располагалось на побережье. Повсюду здесь росли длинноствольные сосны. Особенности, не такие, какими он встречал их раньше, а необыкновенно лохматые, с широко раскинутыми в разные стороны ветвями-лапищами. От этого они походили на сказочных чудищ, но тем не менее своей чарующей привлекательности не теряли. Севернее жилых построек, прямо от опушки леса, начиналась песчаная коса. На десятки километров вперед открывалась с нее взору синяя громада вечно ворчащего моря, выглядывающие из воды гребни огромных валунов, да вытянутые, ящерообразные островки.

Офицеры заставы понравились Кочетову с первой же встречи. Особенно заместитель начальника по работе с личным составом, крепко сбитый, коренастый, с открытым, приветливым лицом старший лейтенант. Предельно собранный, энергичный, в отличие от сурового, задумчивого начальника заставы, он сразу же поразил Кочетова своим пронизывающим взглядом. Словно врач пациента, прощупывал он Андрея прищуренными глазами-буравчиками, как будто сразу же хотел определить: настоящий ли часовой границы прибыл к ним на заставу. По этому взгляду угадывались деловитость, напористость, требовательность офицера. И только наивно-привлекательная улыбка, изредка оживавшая на его лице, открывала в нем никак не сочетающиеся с деловитостью, казалось, неожиданные для него, доверчивость и добродушие. Позже Андрей понял, что именно эти качества располагают к нему людей, заставляют, не таясь, делиться самым сокровенным. Но это Кочетов понял позже. А тогда он сидел в канцелярии и рассказывал о себе, о том, как школьником нашел на улице щенка и принес его домой, как с

помощью соседа, участкового милиционера, обучал его приемам общей дрессировки, о первых победах Баргута на городских соревнованиях, о своей мечте служить только на границе...

Офицер слушал Кочетова и итожил первое впечатление о молодом солдате. Если бы Андрей был больше знаком со старшим лейтенантом Зотовым, он бы уже тогда догадался, что произвел на него хорошее впечатление. Но так как встречался он с Зотовым впервые, то покинул канцелярию в неведении, отчего после его рассказа так долго не сходила с лица офицера улыбка, да так весело искрились его глаза.

Понравился Андрей и старшине Чернову. Дмитрий Васильевич – среднего роста, темно-волосый, с продолговатым обветренным лицом прапорщик – ценил людей хозяйственных. А воспитать из щенка розыскную собаку, по его мнению, мог только человек ответственный и хозяйственный.

Спустя неделю Андрей Кочетов почти ничем не отличался от своих товарищей. Казалось, он всегда служил здесь. Парнем он оказался скромным, работающим и ко всему очень общительным. И стал бы Кочетов вообще образцом для подражания, если бы не один его недостаток – слабо бегал на длинные дистанции. Назначили его на должность водителя, а так как по долгу службы ему необходимо было бегать лучше всех, то именно эта его слабость не на шутку обеспокоила начальника заставы капитана Антонова. Он уже хотел было перевести Кочетова в другое отделение, но за Андрея заступился старший лейтенант Зотов. Зотов придерживался мнения, что на солдатское становление влияет даже случайно брошенное слово командира. Он считал более правильным с педагогической точки зрения несколько переоценить возможности солдата, чем недооценить их и своим недоверием обречь человека на подтачивающие веру в себя сомнения. Именно поэтому решение начальника заставы показалось Зотову поспешным, и он сначала отстоял Кочетова, убедив Антонова в том, что у молодого солдата дела еще пойдут на лад, а вскоре подыскал ему хорошего наставника в лице инструктора службы собак сержанта Виктора Кравцова.

...Кочетов выбежал из леса. «Стоп. Передышка. Нет больше сил...» Смахнул с открытого лба соленые бисеринки пота. Светлые волосы его были растрепаны, под уставшими серыми глазами виднелись темные круги. «Вперед. Не расслабляться. Кажется, Баргут почувствовал преследуемого».

– Ты делаешь успехи, Андрей, – поднялся из-за укрытия Виктор Кравцов. – Штрафное время сократил на пятнадцать минут.

– Зачем же так петлять? – обиделся Кочетов.

– Это только цветочки, – продолжил в том же тоне подтянутый, атлетически сложенный сержант. – Ягодки тебе настоящий нарушитель преподнесет.

– Если он вообще когда-нибудь будет...

– Небольшой сдвиг вперед ты все же сделал. Маршрут прошел полностью. Апорты собрал. Даже чуть было во время не уложился.

Кравцов наклонился к тяжело дышащему Баргуту.

– Ну что, старина, и ты устал?

Баргут трижды пролаял в ответ и, подойдя к распластавшемуся на песке хозяину, лизнул его в лицо.

– Сговорились, – с напускным недовольством произнес Кравцов. И уже про себя подумал: «Это хорошо, что друг за друга горой. В нашем деле это одно из главных».

– Поднимайся, Андрей, на сегодня все.

2

– Ну что, Кочетов, уложились в отведенное время?

– Нет, – опустил глаза Андрей.

– Нарушителя, я надеюсь, вы все-таки задержали?

– Так точно, – ответил за Кочетова Кравцов, – задержал он меня. Да и со временем сегодня лучше.

Зотов улыбнулся своей привлекательной улыбкой.

– Не падайте духом, Кочетов, у вас должно получиться. Собаку в вольер, приведите себя в порядок и на боевой расчет.

«Нет, все-таки должен из этого парня выйти толк, – подумал Зотов, едва за вышедшими закрылась дверь. – Непременно должно у него включиться второе дыхание. Ну а тогда достойная смена будет таким, как Кравцов».

Второе дыхание... Под этим понятием Зотов подразумевал не только то, за что так упорно боролся Андрей. В его понимании более глубокий смысл крылся за этими словами. Второе дыхание – не только физическое совершенство солдата, но и его способность в любой непредвиденной обстановке действовать так, как подобает настоящему стражу границы. Зотов знал, что по всевозможным причинам на том или ином жизненном этапе у одних пограничников второе дыхание так и не появляется, у других затухает. Развить его у первых и поддержать у вторых – в этом видел он свое предназначение.

Зотов подумал о начальнике заставы, потом, словно о чем-то вспомнив, резко поднялся из-за стола и подошел к окну. На улице, у спортгородка, Кравцов и Кочетов что-то увлеченно обсуждали. «Годы, годы... – подумал Зотов. – А ведь совсем недавно Кравцов был таким же зеленым и неопытным, как Кочетов. Да и сам давно ли ты был таким? Вспомнился приезд на заставу. Знакомство с ребятами. Первые будни в новой должности».

...Его только назначили на должность, и ходил он в «новичках». Только ему было намного сложнее, чем окончившим учебный пункт новобранцам, которые приехали на заставу в одной с ним машине. Зотов был новичком, которому предстояло без раскочки осваивать свои обязанности, учить подчиненных непростому делу – охране границы.

Начальник отряда, седовласый полковник, предупредил его:

– По итогам года все заставы отряда добились хороших результатов в службе. У нас, можно сказать, идет соревнование за звание лучшего среди лучших. Направляйтесь заместителем по работе с личным составом к капитану Антонову. Офицер он опытный, на границе – не первый год, у него есть чему поучиться. Заместитель по боевой Антонова недавно переведен в другое подразделение с повышением, поэтому будете его опорой в единственном лице, не считая, конечно, старшину. Сразу включайтесь в работу и прошу – высоту планки не понижать.

Уже первые дни пребывания на заставе подтвердили слова полковника – подразделение сильное. На что Зотов сразу обратил внимание – здесь все делалось без напоминаний. Любой приказ или распоряжение отдавались один раз. Старослужащие солдаты все умели, как будто они родились с необходимыми для охраны границы знаниями и навыками.

Вскоре Зотов понял, что за всем этим кроется кропотливый труд начальника заставы капитана Антонова и старшины прапорщика Чернова. Примерно одинакового возраста, эти зрелые, немало повидавшие на своем веку люди как-то ненавязчиво умели ладить с солдатами – и старослужащими, и новобранцами. Научив чему-то одних, они тут же переключались на других, необученных. А о первых, как бы забывали, давая им возможность показать себя, проявить инициативу. Старослужащие брали под опеку молодых, делились с ними своим опытом, контролировали, чтобы те точно и в срок выполняли любое поручение.

Авторитет старших товарищей был безукоризненным, поэтому и получалось у них без наказаний и разбирательств воспитывать подчиненных.

Зотов понимал, что такой авторитет завоевывается только делами. И он стал время от времени демонстрировать, то, чему научился в военном училище и на стажировках. Вроде бы делал все правильно, но пограничники воспринимали все его правильные действия без эмоций. Их равнодушные глаза, как бы подчеркивали: «В целом, лейтенант, неплохо. Но мы это уже знаем».

Зотов не отчаивался. Он старался почаще находиться среди пограничников, проверял наряды, проводил занятия, участвовал в соревнованиях. И однажды ему представился случай доказать всем, что он заслужил право на авторитет. Помог случай.

...На занятии по огневой подготовке к нему обратился один из сержантов.

– Вчера пристрелял автомат, а все пули все равно улетают в «молоко». Не могу понять, в чем дело? Можно заменить его?

В прищуренных глазах сержанта блестели ироничные огоньки. Было ясно, что он, кстати, опытный стрелок, собирався в присутствии подчиненных устроить лейтенанту экзамен. Зотов понял это, но виду не подал. Молча взял у сержанта его автомат и направился на огневой рубеж. Он выпустил две очереди. Первой – положил «атакующую пехоту», второй – «пулемет противника». Патроны израсходовал не полностью.

– Все в порядке, – протянул он автомат сержанту, – продолжайте отработку упражнения. Главное – не волнуйтесь и не думайте о посторонних вещах.

С этого дня солдаты стали относиться к Зотову серьезно, обращались за советом, одним словом, – признали в нем наставника.

...В дверь канцелярии постучали.

– Войдите, – повернулся Зотов.

– Товарищ старший лейтенант, – доложил дежурный по заставе, – лесник Диджюлис просит его принять...

3

Сигутис Микитович Диджюлис – высокий, сухошавый, с посеребренными сединой волосами лесник приграничного лесхоза – родился в Литве, образование получил на Украине, окончив Львовский лесотехнический институт, работал в разных лесных хозяйствах России, и только на старости лет вернулся в родные края. И пусть место, куда его назначили лесником, было не совсем его малой родиной, но каждый куст, каждое деревце и особенно запах моря постоянно напоминали ему здесь о ней.

Сигутис Микитович прожил нелегкую, но интересную жизнь. Закончив институт, попал по распределению на Камчатку. В глухом, необжитом районе, куда он приехал с молодой женой Аллой, в летние месяцы люди почти не появлялись. Осенью можно было встретить одинокого шишकारя, заготавливающего кедровые орехи. И только зимой здесь все оживало. Почти у каждого ручья стояли палатки звероловов. Через горы, по рекам прокладывались лыжни. Мужчины охотились и браконьерничали. Отличить одних от других было не сложно. У первых была на руках лицензия, у вторых нет. Вот и занимался Диджюлис тем, что помогал организовать охоту одним и не давал это делать другим.

Лесника уважали. За то, что никогда не оставлял людей в беде. Если непогода, ненастье, что случалось в тех краях довольно часто, – все шли к нему. Знали: накормит, чаем напоит, место для ночлега предоставит. И жена его, Алла Олеговна, была у людей в почете. Медик по образованию, она избавляла людей от разных хворей, делала детям прививки и даже принимала у женщин роды.

Прожили они с женой в тех краях четыре года. Там появился на свет их первенец – назвали Олегом, в честь отца Аллы. Может быть, еще на несколько лет остались бы на Камчатке, но климат не подошел малышу, и Сигутис Микитович попросился на запад, поближе к родным краям. Ему пошли навстречу, переместили в Забайкалье, в город Сретенск.

Тот же холод, те же морозы зимой, но начальство было неумолимо:

– Ты же сам просился на запад, а Сретенск расположен западнее Камчатки.

Ну что тут скажешь! Посмеялись Сигутис с Аллой и стали обживать на новом месте. Только мебель закупили – зима на дворе. Домик, который им отвели, был построен в лесу. Вокруг – нетронутая пороша. Мягко, почти нежно, поскрипывала она под ногами. С дерева на дерево перелетали красногрудые снегири. Загляденье.

Сибирский климат пошел на пользу Олежке. Хоть и суровый, но сухой, он закалил сына. Перестал он кашлять и сопливать. А когда подрос, стал его Диджюлис с собой на охоту брать. Олег всегда ждал этого дня, как праздника. Выйти ранним утром в шуршащий листвою таежный лес, пойти по свежему следу зайца или лисицы – что может быть приятнее для охотника-любителя?

Закончив в Сретенске школу, Олег поступил в военное артиллерийское училище – не зря с детства прививал ему отец любовь к охоте и оружию.

Скучно и пустынно стало в доме без Олега, и решили Сигутис с Аллой завести второго ребенка. Так на свет появилась дочь, названная в честь матери Аллы Надеждой. Девочка быстро росла, не жаловалась на здоровье. Сигутис и Алла и в мыслях не предполагали куда-то переезжать, но Диджюлису предложили повышение – заместителем начальника лесхоза в Брянскую область.

– Ты же просился на запад? – удивлялся нежеланию Диджюлиса переезжать московский начальник.

– Когда это было...

– Не принято от повышения отказываться, – сказал, как отрезал, начальник.

И Сигутис Микитович согласился. Собрали вещи, купили билеты на самолет, и улетели они с женой и дочкой к новому месту.

Если бы знал Диджюлис, с чем столкнется он там, ни за что бы не поехал. А столкнуться пришлось с форменным беспорядком. Еженедельные наезды в лесное хозяйство начальников разного ранга, охота в заказнике, бесконтрольная вырубка леса для индивидуального строительства. Не мог равнодушно созерцать этот беспредел Диджюлис. Стал жаловаться в разные инстанции. Письма его отправляли для рассмотрения тем начальникам, которых он хотел поставить на место. Так ничего не добившись, но нажив себе кучу врагов и заслужив репутацию скандалиста, Диджюлис второй раз в жизни попросил руководство о переводе.

В этот раз просьбу его удовлетворили полностью. Направили, поближе к морю, как и хотел, на самый запад, но со значительным понижением – лесником приграничного лесхоза.

Надежда к этому времени уже была замужем, у нее, как и у брата Олега, появились свои дети, поэтому она с родителями не поехала. Остались Сигутис Микитович и Алла Олеговна на старости лет одни и довольствовались только нежными письмами, регулярно получаемыми от детей и внуков, да их редкими приездами в гости.

С переездом на новое место постепенно угасла прежняя страсть Диджюлиса – охота, но появилась новая – рыбалка. Часами мог он просиживать с удочками у моря, дышать его запахом и любоваться перекатами гривастых волн. Любил приходить на заставу посудачить о жите-бытье с его начальником или старшиной.

4

Постигшая на занятиях очередная неудача не на шутку расстроила Андрея. Понутив голову, он прошел к питомнику и, сняв с Баргута ошейник, пропустил собаку в вольер. Следовавший сзади Кравцов попытался подбодрить его:

– Да брось хандрить, Андрюха. Будешь ты бегать хорошо.

– После дождика в четверг?

– Не после дождика, – строго сказал Кравцов, – а в самое ближайшее время. Натренируешь дышалку, километров замечать не будешь.

– Легко сказать – натренируешь. А если не получается у меня? Понимаешь, мне перед Зотовым стыдно. Не могу передать, как стыдно. Он же за меня поручился. Да и тебя я подвожу.

К ребятам подошел командир расчета радиолокационной станции Юрий Будников – широкоплечий, с русыми, причесанными на пробор, волосами сержант – поинтересовался:

– Есть проблемы?

Несмотря на то, что Будников прибыл на заставу капитана Антонова позже Кравцова – после окончания школы сержантского состава он несколько месяцев служил на соседней заставе – они сразу подружились. И не мудрено, ведь оба призывались с тамбовщины, то есть земляками были.

– Да вот Кочетова воспитываю, – ответил Виктор.

– А что случилось?

– За Баргутом не поспевает.

– Это поправимо, Андрей. Потренируешься немного, и все станет на свои места.

– И я говорю все будет хорошо, – добавил Кравцов. – У тебя, Андрей, есть главное – желание. Все остальное приложится. Старайся не сбивать дыхания. На два-три счета – вдох, на столько же – выдох...

– Да помню все, Виктор, помню. Только если бы в действительности все было так просто, как на словах. Может быть, я внушаю себе, что не выдержу темпа? Нет, переведет меня начальник заставы в другое отделение, как пить дать, переведет.

– Опять заладил... Плохо ты знаешь Антонова, если так о нем судишь. Внешне, может быть, и кажется он суховатым, но внутренне... Понимаешь, есть у него душа. Справедливый он. Если бы ты знал его прежним, не сказал бы такого. А то, что сейчас изменился, так это после поездки в Москву. Он ведь в академию не прошел по конкурсу. Слышал, предлагали вновь поступать. Отказывается. «Не заслужил я пока вновь этого права», – говорит. Во, какой человек. А ты «переведет, переведет»...

5

Согласно боевому расчету, Кочетов и Кравцов заступили в наряд вместе. Получив приказ на охрану границы, друзья направились к побережью. Сгустившаяся темень распластала вокруг свои черные крылья. Еще несколько часов назад переливавшееся разноцветьем неугомонное море теперь только протяжным грохотом набегающих на берег волн напоминало о своем существовании.

Пограничники шли вдоль песчаной косы. Едва касаясь носом земли, несколько впереди то бежал, то останавливался Баргут. Старший наряда – сержант Кравцов – прощупывал берег острым лучом фонаря. Признаков нарушения границы не наблюдалось.

Пограничники замаскировались в расположенном на опушке леса секрете. Было тихо. Только изредка налетал ветер, крутил и мял вершины сосен, и от этого по сосняку стлался мягкий, ласкающий ухо шумок.

Поздно ночью Кравцов обнаружил у одного из островов рыболовецкий траулер, который явно отклонялся от фарватера, и тут же сообщили об этом на заставу. А спустя пятнадцать минут лежащий в укрытии поодаль от Кравцова Кочетов услышал шаги. Произошло это как раз в тот момент, когда вдруг неожиданно насторожился Баргут, а из укрытия Кравцова раздался слабый хлопок – условный знак ему. Андрей до боли в глазах всмотрелся в темноту, прижался еще больше к земле.

– Стой!

На оклик Кравцова вынырнувшая из темноты фигура отозвалась голосом Зотова. Он назвал пропуск и подошел вплотную.

– Тихо?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Кроме сбившегося с курса траулера – ничего. Да и тот исправил ошибку и зашел в бухту по фарватеру.

Зотов прильнул глазами к окулярам бинокля. Вдалеке, на тони, полным ходом велись работы. Рыбаки, освещая прожекторами палубы, выбирали из воды тралы. Спокойное море, не мешая этой процедуре, слегка покачивало суда на волнах.

Зотов ушел также бесшумно, как и появился. Кравцов и Кочетов остались. В секрете они и встретили утро. Оно выдалось ранним и тихим. Ни ветра, ни похожего на дыхание движения воздуха. Не шелхнувшись, стояли деревья, спали, досматривая последние сны, камыши. И только заводь была беспокойна: в глубине ее вод бесновалась рыба молодь.

6

Звонок зазвенел протяжно. Капитан Антонов потянулся рукой в темноту и, нащупав холодный металлический корпус будильника, накрыл его рукой. В комнате вновь воцарилась тишина. Антонов поднялся с кровати и направился на кухню.

После короткой зарядки и умывания он оделся. Стараясь не греметь посудой, подогрел сготовленные с вечера женой оладьи. Достал из выдвижного ящика пакетик растворимого кофе и, высыпав его содержимое в кружку с кипятком, уселся за стол. Когда кофе остыл, залпом осушил чашку и, поставив в холодильник тарелку с оладьями, направился к выходу.

Начальник заставы капитан Антонов был чаще угрюмым, чем веселым. Чуть ли не каждое утро он просыпался с мыслью, что жизнь постепенно, кошачьими шагами, проходит мимо него стороной, что невероятно быстро бегут годы, а он за десять лет бессменной службы на одной заставе по-прежнему так ничего из когда-то намеченного и не сумел свершить. Иногда к нему приходила мысль, что в тридцать еще рано записывать себя в старики. Однако она также неожиданно, как и приходила, сменялась другой, от которой Антонову вновь становилось не по себе. В его потускневших серых глазах вспыхивал огонек раздражительности, узкие губы сжимались, на щеках начинали переливаться желваки, и он мысленно укорял себя за то, что никак не найдет решительности еще раз попроситься в академию, что потерял прежнюю энергичность, что, подобно двоечнику-второгоднику, стыдится всех окружающих и даже лесника Диджюлиса, с которым его связывала крепкая дружба.

– Что на границе, Сергей Анатольевич? – едва переступив порог канцелярии, поинтересовался у Зотова Антонов.

– Без происшествий, – поднялся навстречу начальнику Зотов. Глаза его заискрились веселым огоньком. – Здравия желаю, Валерий Петрович. Как съездили в отряд? Что нового?

– Бобик нигде не сдох? – словно не слыша вопроса, проговорил Антонов.

– Бобик не сдох. А вот ночью траулер в пятом квадрате наблюдали.

– Остановку делал?

– Нет. Я выходил на границу. Ничего существенного. Обычный заход в бухту.

– По личному составу... Как новички?

– Замечаний по несению службы нет. С пополнением, как я вам уже докладывал, на мой взгляд, нам повезло. Ребята прибыли сообразительные, толковые. Кочетов хотя бы. След прорабатывает основательно. И со временем у него стало неплохо. Сегодня проверял наряд – вопросик мне подкинул. Где, говорит, у нас в охране наиболее уязвимое место? Куда предпочтительнее двигаться нарушителю, если он идет в наш тыл? Молодец. Думаю, Валерий Петрович, в ближайшее время нужно провести занятие. Выбрать несколько случаев задержания учебных нарушителей, проанализировать, как они действовали, как их задерживали. Схемы подготовить.

– Предложение неплохое, одобряю, – согласился Антонов и сухо добавил: – Ты спрашивал, что в отряде новенького... Так вот, ищи кандидатуру на соревнования по служебному собаководству. Первенство на носу.

– Может, Кравцова с Аргой послать? – как бы задавая себе вопрос, произнес Зотов и тут же засомневался: – Но он увольняется.

– Вот и я об этом подумал, – сказал Антонов. – Заслуг у Виктора много. Парень потрудился на славу. Тут кого-нибудь из его преемников надо. Чтобы было на чьем примере других воспитывать.

– Кочетова? – вопросительно глянул на Антонова Зотов.

– А справится?

– О чем речь, Валерий Петрович. Парень за время, проведенное на заставе, заметно вырос.

– Ладно, – подвел итог разговору Антонов. – Ищи кандидатуру.

В голосе его Зотов уловил одобрительные нотки и весело произнес:

– Будет кандидатура.

Зотов сложил в стол бумаги и собрался уходить. Но у самой двери остановился.

– Чуть не забыл. Сигутис Микитович просил разрешения у острова порыбачить. Вчера заходил. Я не возражал – лесник заслужил. Семена для теплицы всегда привозит, дровами помогает. Да и ребята, я думаю, от свежей рыбы не откажутся.

– Что ж, раз ты не против, пусть рыбачит. Тем более что заслужил.

7

Занималось летнее утро. Из-за горизонта едва выглядывал темно-красный сегмент солнца. Он был настолько мал, что свободно мог укрыться за склонившимся стебельком полевого цветка. Первые лучи его с живучей стремительностью прыгали по играющим волнам и зайчиками отражались на борту моторной лодки. Диджюлис, сложив в нее снасти, дернул несколько раз за шнур. Лодка отфыркиваясь, как плывущая медведица, накренилась и, сделав разворот, помчалась вперед. Расстояние между берегом и островом она покрыла за считанные минуты. У песчаного пятачка резко повернула вправо, и мотор ее внезапно захлебнулся в собственном рокоте. Здесь, на пятачке, на виду у пограничников, Диджюлис всегда оставлял ее, сам же уходил в глубь острова на давно насиженное место. Так он поступил и в этот раз.

... Тропинка петляла между темными ожерельями невысоких скал, обрывалась вниз, поднималась на бугристые валуны. Закинув за спину вещмешок со снастями, старик шел к узкой расщелине. Там, рядом с подмытой волнами и отточенной до остроты скалой, и находилось его заветное место. Беспокойное море словно забегало сюда отдышаться и немного отдохнуть от безостановочных набегов на берег. Точно зеркало, окаймленное овалом крутого берега, оно застывало здесь, отражая в себе ясную лазурь неба.

Диджюлис шел по тропинке, дыша близким запахом моря, и мысленно благодарил Зотова за оказанное ему удовольствие. В душе он уважал старшего лейтенанта. За то, что тот многими чертами своего характера напоминал ему прежнего Валерку Антонова, который раньше часто заходил к леснику в гости. Это внимание льстило Диджюлису. Словно родного сына, принимал он начальника заставы в своей избушке, а когда тот собирался уходить, под любым предлогом задерживал его у себя. Но время – этот не всегда добрый волшебник – сделало свое дело. За последнее время начальник заставы очень изменился. После возвращения из Москвы словно подменили его. Не стало энергичного Валерки Антонова, появился угрюмый, погруженный в свои мысли капитан.

«Подумаешь, не поступил, – рассуждал Диджюлис, – да разве это трагедия? Не поступил с первого раза, поступишь со второго». Как-то он сам пришел к Антонову на заставу поделиться своими соображениями. Но разговора по душам у них так и не получилось. Антонов тогда его перебил и сказал:

– Жалеть меня не надо. Не люблю. Да и потерянной веры в свои силы жалостью не вернешь.

И Диджюлис понял, что в данный момент ничем начальнику заставы помочь не сможет. Он не стал больше тревожить Антонова. И хотя их дружба так внезапно и, по мнению лесника, беспричинно оборвалась, он по-прежнему уважал и по-отцовски любил Антонова. А то, что начальник заставы с каждым днем становился все замкнутее, переживал как свою личную боль.

8

Зотов объявил пограничникам тему занятия: «Основные ухищрения, используемые нарушителями при преодолении контрольно-следовой полосы. Наиболее вероятные направления движения нарушителей на участке заставы» и после того, как все записали название темы, приступил к изложению материала. Говорил он свободно, непринужденно. Он рассказал солдатам о способах перехода контрольно-следовой полосы задом наперед, в обуви с каблуками на носках, на четвереньках, на локтях, на коленях. По тому вниманию, с каким слушали его пограничники, было видно: занятие заинтересовало всех.

– Особенность нашего участка, – постепенно перешел ко второму вопросу Зотов, – сами видите – кругом лес. За ним – железнодорожное полотно. Рядом – шоссе. Если нарушитель захочет выйти в наш тыл, ему, конечно, выгоднее двигаться к шоссе. Путь короче, чем до железной дороги. Да и на попутном транспорте до поселка скорее добраться можно. Именно так действовало большинство учебных нарушителей. Но можно пойти и иначе. Возьмем хотя бы железную дорогу.

Зотов развернул и повесил на стену плакат.

– Лесной ручей течет от нее до шоссе и впадает в море. Выйдя на трассу, а затем, свернув к ручью и поднявшись по нему вверх, можно искусно замаскировать след, добраться до железнодорожной ветки. Ну а там... Ищи ветра в поле. Правомерный вопрос задал недавно Андрей Кочетов насчет вероятных направлений движения нарушителя на нашем участке. Каждый из вас должен их знать, умело ориентироваться на местности и пользоваться своими знаниями в любой обстановке. Предлагаю разобрать несколько вариантов движения нарушителя в наш тыл.

Зотов прошелся между столами и продиктовал несколько вводных, которые должны были решить его подчиненные. А они, стараясь не пропустить ни одного слова, записывали условия задач.

9

Оставшись наедине со своими мыслями, Антонов подумал о Зотове. «Все-таки не прав ты иногда бываешь по отношению к нему. Как он старается! Внеплановое занятие организовал. Сам схемы подготовил. За солдат горой стоит. А с каким запалом доказывал, что именно Кочетова нужно посылать на отрядные соревнования. Глядишь, парень поверит в свои силы, опыта наберется. Все это я знаю, дорогой старший лейтенант Зотов. И ты молодец, что заглядываешь в будущее». Он нажал на белоснежную клавишу селектора и проговорил:

- Как закончится занятие, пригласите рядового Кочетова в канцелярию.
- Есть, – ответил дежурный.

...Проверив ответы пограничников на предложенные им вводные, Зотов подвел итоги занятия, отметил лучшие решения и на этом закончил отработку темы.

Пограничники выходили во двор заставы, оживленно разговаривая.

– Кочетов! – увидев издалека Андрея, окликнул его дежурный. – В канцелярию, к капитану Антонову.

– К Антонову? – с тревогой в голосе переспросил Кочетов и перебрал в сознании несколько причин, по которым его мог вызывать начальник заставы.

Подошел к двери канцелярии, постучал.

– Товарищ капитан, рядовой Кочетов по вашему приказанию прибыл.

Андрей доложил начальнику заставы, и ему показалось, что он сейчас начнет заикаться от волнения.

– Садитесь, – сухо произнес Антонов. – Как у вас дела, Кочетов?

Андрей с трудом перевел дыхание.

– Пока плохо, – еле выдавил он из себя.

– Плохо? – глубоко затянулся сигаретным дымом Антонов. – А я слышал о вас другое.

Кочетов промолчал. Неожиданно прекратилось учащенно биться сердце. Грудь наполнила волна безразличия к своей, по его мнению, уже решенной судьбе. «Все равно уже ничего не изменишь. Сейчас переведет в другое отделение».

– Значит, давайте договоримся так, – вжал в пепельницу окурков Антонов. – Эту неделю отрабатываете с Баргутом выборку вещи, конвоирование, задержание. Ну и конечно же не забываете о тренировках по «горячему» и «холодному» следу. Здесь вы и сами знаете, на что обратить внимание. Кстати, в какое время укладываетесь на «холодном»?

– Пятнадцати минут не хватает до нормы.

– Пятнадцати... Это не так уж много. Наверстывайте. Я знаю, упорства вам не занимать, у вас получится. И готовьтесь на отрядные соревнования по служебному собаководству. Будете с Баргутом защищать честь заставы. Справитесь?

Андрею показалось, что ему послышалось. Он – на соревнования... Не в другое отделение, а на соревнования! Не может быть!

– Постараемся, – еле слышно произнес он. – Но...

– Справитесь или нет? – строго спросил Антонов.

Андрей поднялся со стула.

– Так точно, товарищ капитан. Постараемся, то есть справимся, товарищ капитан.

– Идите, – сделал попытку улыбнуться Антонов.

10

На заставе – банный день. У всех – приподнятое настроение. Пограничники получают у старшины чистое белье и мыло. Те, кто в наряде, сделают это по возвращении на заставу. По очереди и в баньку ходят солдаты. Так уж заведено на границе – все делать поэтапно, исходя из интересов службы.

– Баня готова, товарищ капитан, – доложил старшина заставы прапорщик Чернов.

– Что ж, пойдём, погреемся.

Взяв приготовленный женой пакет с чистым бельем, Антонов направился к выходу. Старшина последовал за ним. Зотов остался в канцелярии – он был сегодня дежурным офицером и обязан был находиться в подразделении.

Пройдя мимо наблюдательной вышки, Антонов и Чернов свернули к питомнику – за ним виднелась заставская банька, над крышей которой трубой вился сизый дымок. Посаженные по краям аллеи березы шелестели листвой, асфальтовая дорожка была аккуратно вычищена, кустарник – коротко подстрижен. Чувствовались хозяйские, заботливые руки старшины. Определенно, повезло Антонову со старшиной. Как и Антонов, он во всем стремился к порядку. И попариться был тоже любитель.

Баня, когда ее начинаешь регулярно посещать, постепенно открывает свои неоспоримые достоинства. Нехитрая на первый взгляд процедура, а с какой благодарностью к ней относишься, когда войдешь во вкус. Именно такая метаморфоза и происходила с прибывающими на заставу молодыми солдатами. В большинстве своем они привыкли к ванной. А тут бери веник, тазик с водой, дуй в парилку... Но проходило несколько месяцев, и уже невозможно было переубедить новобранцев, что может быть что-то приятнее банного жара.

«В баню идешь не просто помыться, в баню идешь, прежде всего, погреться». Этот лозунг висел при входе в предбанник и служил напоминанием, что тепло нужно уметь не только создать, но и поддерживать в процессе помывки.

Печку старались топить березовыми поленьями – жарко горят и не дают искр. Кончались березовые, тогда в ход шла осина.

Непременным правилом на заставе считалось: попарившись, хорошо проветри баню, чтобы дерево не начало гнить. Новичку запрещалось сразу забираться на полочку. В первый раз его испытывали на жаропрочность внизу. В парную – только с покрытой головой. Для этого в предбаннике всегда были в наличии фетровые колпаки.

Перед тем как войти в парное отделение, как и везде, готовили веники. Если они были свежими, то задача упрощалась. Такой веник лишь слегка споласкивался. Другое дело – сухой веник. С ним нужно было немного повозиться. Сначала тоже помыть, ополоснуть. Затем положить в таз с теплой водой.

– Иногда веник запаривают сразу в крутом кипятке и... допускают ошибку, – поучал Чернов молодых солдат. – В этом деле нужна постепенность, даже деликатность, чтобы не опадали листья. Вначале нужно подержать веник в теплой воде, затем добавьте в таз горячей. Сверху накройте таз другим тазом – устройте для веника своего рода баню. Пусть, как следует, распарится, станет шелковистым, «выдаст» наружу лесной дух.

Были у старшины и другие секреты, которыми он охотно делился с пограничниками и требовал соблюдения всех своих наставлений. Чернов был большим любителем применения во время помывки различных лекарственных растений, считая, что от этого получается отличный оздоровительный эффект. У него всегда находились под рукой настойки эвкалипта, мяты, цветков липы, чабреца, душицы, ромашки и других растений. Старшина рекомендовал пограничникам пользоваться ими, но строго следил за тем, чтобы их не лили прямо на камни, считая, что так запах навсегда «впечатается» в стены, и пахнуть в баньке будет раз от разу все хуже

и хуже. Под ароматизаторы отводилась керамическая миска с горячей водой, в нее наливали настойку и отодвигали подальше от печи.

...Антонов и Чернов вошли в небольшой предбанник. Здесь все дышало свежестью. Вагонка, которой были оббиты потолок и стены, – без единого сучка, пропитана желтой морилкой. Полки и лавки вдоль стен, как будто только что привезены из магазина.

Начальник заставы и старшина разделись, зашли в моечную и, постояв под душем, насухо вытерлись махровыми полотенцами. Надели фетровые колпаки, взяли простыни, распаренные веники и – в парилку. Печь-каменка уже раскалилась докрасна. Постояв немного внизу, полезли на среднюю полку.

Чернов зачерпнул кружкой из кадушки воды и полил камни. Парная наполнилась духовитым жаром.

Антонов перебрался на верхнюю полку и, расстелив простыню, лег на нее. Чернов взял в каждую руку по венику и, не торопясь, стал, словно веерами, опахивать ими его с боков. Едва прикасаясь к телу, проходил по ногам, спине, рукам. Веники плавно передвигались вдоль тела – от ног до головы и обратно. Шуршали – один по левому боку, второй по правому, затем по бедрам, пока не доходили до пяток. А потом снова от пяток до головы, от головы до пяток.

Антонов, лежащий на полке, ощущал приятный горячий ветерок.

Стало жарче – Чернов сделал паузу, поднял веники вверх, затем опустил их, но уже на плечи, туловище и снова прошелся ими по ногам. Затем – вдоль тела, потряс ими над лежащим в приятной дреме Антоновым. Заметив на его спине засверкавшие капельки пота, стал действовать энергичнее. Прошелся веником по спине, размазывая проступивший пот. Потом снова, как веерами, опахнул тело – энергично, легко.

Парил Чернов всегда сноровисто и со вкусом, чем и славился не только в комендатуре, но и во всем пограничном отряде. Не зря начальник отряда часто приезжал на заставу Антонова париться. Ну а если проверка какая – то вез с собой всех проверяющих.

От беспощадного жара занимало дух. Весь порозовевший, Антонов неподвижно лежал на верхней полке. Поддали еще пару, отдышались, присели на горячее дерево.

– Пора выходить.

Вышли в моечную и сразу под душ. Теплая струя сменялась прохладной, а та, в свою очередь, – холодной. Прекрасная закалка. Обмотались сухими простынями, сели за стол, выпили зеленого чая.

– Пойду, подменю Зотова, – подвел итог банной процедуре Антонов. – А ты побудь еще.

Начальник заставы оделся и вышел. Появился Зотов, на ходу снял куртку.

– Ну что, Дмитрий Васильевич, добавим жару?

– Я не прочь.

И вновь все повторилось по отработанной схеме. И снова старшина, как жонглер, орудовал вениками.

Закончил париться заместитель начальника. Не успел еще одеться, а в предбанник уже заглядывает сержант Кравцов.

– С легким паром, товарищ старший лейтенант! Личный состав запускать можно?

– Запускай.

11

На следующий день начальник заставы собрал в канцелярии командиров отделений и расчетов на подведение итогов службы. Сержант Будников, тоже присутствовавший на совещании, и не подозревал, что станет в этот раз «героем». Впрочем, за время службы Юрий не раз удостоивался благодарностей, был награжден всеми знаками солдатской доблести. Но так, обращаясь по имени, начальник заставы говорил с ним впервые. Проанализировав результаты деятельности, он пожурил одних командиров, подбодрил других, а в завершение, обращаясь к нему, сказал:

– А ты, Юрий, работал молодцом. Спасибо тебе. Готовься сдавать станцию – замена твоя уже в пути.

Нет, это было не поощрение, просто похвала. Но не догадывался ни капитан Антонов, ни сослуживцы Юрия, как остро завидовал он тем, кто удостоивался такой похвалы. Почему? Толком объяснить он бы не сумел, но твердо знал: так, на равных, начальник заставы говорил не с каждым и в исключительных случаях. Чтобы услышать такое, нужно было не просто отлично знать свое дело, выполнять порученные обязанности без скидок на трудности – житейские, климатические, служебные. Нужно было добиться, чтобы все на заставе признавали в тебе мастера. И вот, наконец, капитан, которого Юрий безгранично уважал, дал понять, что ему это удалось. Ценность этой похвалы возрастала еще и потому, что дело, которым Юрий занимался во время службы, он очень любил.

Такой вот парадокс: когда-то ему казалось, что нет ничего теплее и дороже родного дома, теперь же, когда до увольнения в запас остались считанные месяцы, заставка казалась Юрию дороже всего.

Будникову вспомнился день, когда он принимал дела от своего предшественника Вячеслава Сахарова. Тогда они начали с радиолокационной станции.

– Привык я к ней, – говорил Вячеслав, – теперь ты о ней заботиться будешь. А она не подведет. Честное слово.

Сахаров говорил о станции, как о живом существе, и это немного сместило Юрия. Но виду он не подавал, внимательно слушал Вячеслава, отмечая про себя, что технику тот содержал в образцовом виде.

– А теперь, – Сахаров хлопнул Юрия по плечу, проверяй по комплектности, хотя сразу могу предупредить – все в ажуре.

Не спеша проверили работоспособность станции, ее укомплектованность. Там же, в помещении поста технического наблюдения, Юрий обратил внимание на вымпел, вручавшийся лучшему расчету.

Перехватив его взгляд, Вячеслав сказал:

– Видишь, как мы служили (он так и сказал «мы», подразумевая не только экипаж, но и станцию), не подкачай. О нас всегда только хорошее говорили. А ты вроде как эстафету принимаешь.

Юрий кивнул в ответ – не подкачаю, а про себя подумал: «Нелегко придется – ведь все познается в сравнении, будут сопоставлять... Впрочем, не боги горшки обжигают. И Вячеслав когда-то начинал. И он не сразу достиг совершенства».

– Не подведем, – сказал он, – и у нас расчет будет лучшим.

Расчет РЛС, который принял под свое начало Будников, – состоял из трех человек. Андрей Наговицин и Александр Менщиков призывались вместе. Сергей Изюров – на полгода позже их. О каждом из солдат Сахаров отзывался в превосходных тонах. Произвели они приятное впечатление и на Юрия.

– Что ж, будем охранять границу вместе, – сказал он, когда представлявший его коллективу расчета капитан Антонов ушел.

Его добродушный настрой сразу передался сослуживцам. Во всяком случае, Юрию так показалось. «Это хорошо, что понимают с полуслова, – подумал он, – спасибо тебе, сержант Сахаров, что научил ребят “чувствовать командира”». Но радовался он преждевременно. Не прошло и недели, как поймал себя на мысли, что управлять своей «гвардией» будет не так просто, как на первый взгляд представлялось. Он ощутил отчужденность ребят в отношении к себе. Она не была ярко выраженной, но тем не менее проявлялась. В чем? Во всевозможных шутках в его адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.